

«Детское чтение для сердца и разума».
Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

7

детская

2020 (253)

6+

ИМЕНА:
В. П. Желиховская

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Бешеный бельчонок

УГОЛОК РОССИИ:
Здесь работали собаки

Вера Желиховская
РОЗАНЧИК

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Джозеф Мэллорд Уильям Тёрнер. Петуорт, закат на озере. Примерный этюд. 1828 г.

Фёдор Тютчев

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра тёплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил её края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз ещё взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сияньи потонула
Вся смятенная земля.

1849 г.

Ф. Васильев
Волжские лагуны
1870 г.

В номере:

3

Вера Желиховская
Розанчик

15

ИМЕНА
Вера Петровна Желиховская

16

РАССКАЗЫ
Владимир Янов
Знамя полка Вани Прохорова

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ
Одарённый мастер художественного искусства
Александр БЕНУА

25

УГОЛОК РОССИИ
Сергей Ив. Иванов
Здесь работали собаки

28

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ
Сергей Ив. Иванов
Порядок на планете

31

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ
Вокзал

32

ЖИВОЙ УГОЛОК
Виталий Бианки
Бешеный бельчонок

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Генеральный директор
Евгений Шишкин

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:
в каталоге агентства «Роспечать»
72766 на полугодие, **71899** на год;
в объединённом каталоге
«Пресса России»
38916 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.
Тел.: 8 (499) 261-84-61
Факс: 8 (499) 261-49-29
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru
Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Подписано в печать 27.06.2020

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
125284, Россия, Москва,
Хорошёвское шоссе, 38
тел. +7(499) 762-63-02,
факс +7(495) 941-40-66
e-mail: kz@redstar.ru,
www.redstarprint.ru

Тираж 1470 экз.

В розницу цена свободная
Заказ № -2020

© «Роман-газета», 2020 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Вера Желиховская

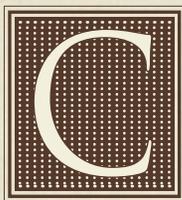
РОЗАНЧИК

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Художник Николай Каразин

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ДРУЖБА С БЕЛОЧКОЙ И МЫШКОЙ

этого времени ей легче стало жить; маленькие букашки, пауки и гусеницы ей не были уже страшны, а сама она гораздо больше могла для себя сделать. Всё же, однако, ей приходилось жить жизнью насекомых и самых маленьких зверьков.

Она было попробовала, когда подросла, вернуться в дом, в свою семью: она надеялась, что теперь её заметят, услышат и поймут... Но подойдя поближе, она увидела, что ставни в домике их заперты и двери заколочены. Отец и мать её не могли успокоиться здесь, потеряв свою милую дочку: они рано уехали на зиму в город.

Один старик-сторож жил в конурке у ворот, но к нему девочка-Розанчик боялась идти, не смея надеяться, что чужой человек узнает её и ей поверит... Она к тому же и одичала немножко, — отвыкла от людей и сжилась со своей новой жизнью.

Наступал конец лета.

Розы давно осыпались; блёкли и последние цветы, а порой и жёлтый листок срывался с дерева и тихо, будто нехотя, падал на землю.

Окончание. Начало см. в № 6 за 2020 год.

Приближалась осень.

По ночам становилось холодно, и крошка-Розанчик поневоле всё чаще и чаще задумывалась: как пережить зиму? Чем она прикроется? Чем будет питаться? Не мудрено с голоду умереть; ещё легче в снегу замерзнуть. Правда, её розовое платице, силой колдовства, не рвалось и не изнашивалось; но разве могло оно греть?

Да, наконец, если бы даже у неё была и шубка, мудрено все-таки пережить зиму без крова. Ей теперь уже было холодновато, что же будет она делать, как все засыплет снегом, все заметёт вьюгой да метелью?

«Что же делать? Будет, что Богу угодно!» — успокаивала себя, обыкновенно, крошка. Сколько божьих созданий гораздо меньше меня зимуют же под открытым небом... Бог меня сохранит, как и их сохраняет!»

Когда листья совсем пожелтели и усыпали все дорожки сада, сиреневый куст её поредел и лопух скорчился и стал сворачиваться трубочкой, крошка-девочка перешла на другую квартиру. Она давно заметила спокойный уголок, между узловатыми корнями старой груши, там, в её раздвоенном стволе, была глубокая расселина, целая пещерка или комнатка для нашей крошки. Она перенесла туда свои пожитки, обложила вход щепочками и мохом, перепутала его вьющимися растениями, а полстены своей комнатки устлала листьями и лепестками цветов и была очень довольна своим помещением и новым соседством. А соседкой её была рыжая белочка, быстроглазая и очень добрая. Она жила в верхнем этаже, в дупле главного ствола, где, как опытная хозяйка, приготовила себе изрядный запас овощей, сушёных фруктов и орехов, на всю долгую зиму. Белка очень полюбила свою новую соседку; даже нацелкала ей целый запас орешков.

Впрочем и Розанчик много ей оказывала услуг и часто присматривала за её малыми детками, пока белочка уходила на промысел.

«Ах! Надо бы и мне себе запасов наготовить! — часто думалось нашей девочке. — Да где хранить провизию? Хорошо у кого есть, как у моей соседки, и подвал хороший при квартире, и чердак; а у меня одна комнатка!.. Да! И тесна и боюсь холодна будет зимою моя квартирка! Хотя очень её жаль, — весной я с удовольствием займу её, — ну, а на зимнее время надо искать другое помещение».

Именно об этом размышляла девочка в одно светлое осеннее утро. Она бродила в цветнике, подбирая высохшие лепестки роз и левкоев для своей постели, как вдруг услышала писклявый голосок полевой мышки. Они были несколько знакомы, встречаясь иногда у белки.

— Позвольте узнать, сударыня, соседка ваша дома?

— Не могу точно сказать вам! — учтиво отвечала девочка. — Но если вам угодно, я сейчас узнаю.

— Ах, нет! Зачем вам беспокоиться? Мне легче вашего вбежать на верхний этаж. Впрочем, если позволите, я поговорю с вами. Это дело до вас же и касается, — хотя мне поручила его белочка... Вы можете меня выслушать?

— Сделайте одолжение! — отвечала девочка и, оставив работу, пригласила гостью отдохнуть.

— О, нет! благодарю вас!.. Я ужасно занята... Время осеннее, знаете, — хозяйство! Зимние запасы... а, впрочем, если позволите... — и болтливая мышка, присев на задние лапки, объяснила, что белка поручила ей разведать, нет ли где, по соседству, свободной квартиры; не для неё самой, конечно: белки холоду не боятся и всегда живут на деревьях.

— Это белочка для вас хлопотала! — объяснила мышь.

— Для меня? В самом деле! — изумилась девочка. — Я очень вам обеим благодарна... И что же?.. Вы нашли что-нибудь подходящее?

Полевая мышь принялась восторженно описывать удобства найденного ею помещения. Эту квартиру занимал кролик, но вот уж две недели, как он ушёл куда-то и пропал.

— Если вам угодно, — продолжала мышь, — я сейчас покажу вам эту квартиру. Она недалеко: у самой опушки леса...

— В лесу? — испуганно прервала девочка. — И верно под землей?.. Ведь кролики всегда живут в норках. Разве это не страшно?

— О, помилуйте! Чего же бояться?

И мышка принялась расхваливать своё подземное жильё: и тепло-то в нём, и уютно! А главное безопасно!

— Да ведь в подвалах темно! — протестовала крошка.

— Так что ж такого? В хорошую погоду можете сидеть у входа, — возразила ей мышь, — а в ненастье закупорились — и спите, сколько будет душе угодно! В зимнюю стужу самое любезное дело — сон!

«Особенно в темноте, да ещё у кого нет тёплой шубки!» — со вздохом подумала крошка и приняла радужное приглашение своей гостьи.

Они отправились осмотреть предлагаемое помещение.

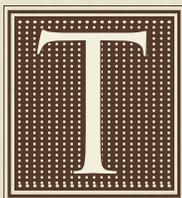
Кроликова норка оказалась в самом деле чиста, суха и просторна. Вход в неё был искусно скрыт между корнями большого орехового куста; сначала он вёл в просторную кладовушку, а потом в главное помещение. По всему было видно, что кролик был прекрасный хозяин, кладовая у него до половины была наполнена овощами, сухими фруктами и орехами.

Крошка-Розанчик решила занять на зиму эту квартиру.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В ГОСТЯХ У КРОЛИКА

Только что стукнули первые заморозки, девочка начала перебираться на новоселье. Добродушная мышка и белка усердно ей помогали. Да не только они: все добрые соседи принимали искреннее участие в этом переселении. Малиновка, вскормленница её, давно оперившаяся, весёлая птичка, облетела и оповестила всех своих знакомых и все местные пташки начали перетаскивать пожитки розовой крошки. В особенности были ей полезны воробьи: они облетали все соседние изгороди и кустарники, собирая на них мягкую овечью шерстку, оставленную проходившими стадами, и натаскали ей такой большой клубок, что девочка из неё сделала себе прекрасную, мягкую и тёплую постельку. Между старой грушей в саду и ореховым кустом на опушке леса дня два шныряло множество народа.

Малиновка весело напевала, переноса цветочные лепестки, набранные девочкой; воробьи крикливо щебетали, хвастаясь друг перед другом, сколько шерсти и пуха каждый нанес своей любимице; шныряла то и дело мышка с сухими грушами или вишнями в острых зубках; мелькала рыженькая белка, то вымеряя дорогу своим пушистым хвостиком, а то, степенно усаживаясь у входа в кроличью норку, пощёлкивала новый запас свеженьких орешков, тут же набранный на кусте.

Таким образом, Розанчик довольно уютно устроилась в своей зимней квартире и зажила деятельно и даже приятно. Вскоре в лесу у неё нашлось множество новых и старых знакомых.

Во-первых, старый плотник-дятел, которого она ещё в детстве, когда-то, отняла у мучивших его злых мальчишек и выпустила на волю. Он ей сослужил теперь службу: наладил дверцы в её норку да так, что они изнутри запирались и потом ещё выстругал для неё две тоненьких палочки, как вязальные спицы, величиной меньше нашей серной спички. Девочка насучила себе ниток из шерсти, набранной воробьями, и вспомнив уроки матери, связала себе тёплую шаль на зиму. К счастью, зимы в их местах были не суровые и снег долго не держался.

Дел у неё набралось много! Все больные зверьки и насекомые, зная её доброту и готовность всем помогать, то и дело приходили к ней за советом, за помощью. Некоторых соседей она лечила, другим помогала по хозяйству, третьих просто сама кормила.

Неподалеку от её жилища, в узеньком подземном коридорчике, проживала пустынноца, старая и немощная медведка. Никто не хотел помочь бедняге: все боялись свирепого вида некрасивой медведки и не верили, чтоб такой страшный зверь никому не делал зла и питался одними корнями, да овощами. Девочка-Розанчик одна не боялась старушки; приносила ей пищу и ухаживала за ней охотно. Соседи дивились её добродушию и разуму!

Но более всех прославлял её один старичок-муравей, да и было за что! Когда он от старости ослеп, его безжалостные товарищи выгнали из муравейника, как бесполезного члена их общества. Муравьиная царица сжалилась над беднягой и приказала опять принять его в свой городок, но только с тем, чтоб он принес что — нибудь полезное для всех его жителей в их общую кладовую. Слепой и рад бы исполнить царское приказание, да где ж было ему найти, в такую глухую осень, когда все запасы уже были кругом обобраны, хорошую добычу? К счастью своему, он по-

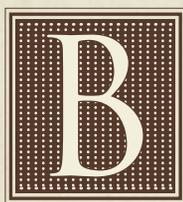

встречался с розовой крошкой, со слезами рассказал ей своё горе, и она не только подарила ему богатый вклад для всего муравейника, — хорошую сушёную грушку, но сама даже её докатила до муравьиного городка.

Нечего и рассказывать, с каким почётом старик был принят своим народом и как все хлопотливые муравьи после этого расхваливали и славили свою новую соседку.

Добрые дела девочки располагали к ней сердца всех; но такого дела, которое доставило бы ей возможность совершить второй подвиг и ещё подрасти, — не находилось.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ СЛЕПОЙ СТРАННИК

В один холодный, зимний вечер девочка только что устроилась на ночь.

Она приготовила воды для питья и для умывания, набрав чистого снежку в ореховую скорлупку; поужинала орешком; помолилась Богу и только подошла к дверям, чтобы крепче запереть их, как вдруг за ними раздался жалобный голос.

— Сжальтесь над голодным, слепым странником, доброе создание! Пусть немощего под кров, отдохнуть и обогреться!

Девочка оробела немного. Кто бы это мог быть? По голосу, кто-то большой!.. Хорошо, если доброе существо, а если нет? Если какой-нибудь хищник! Обокрадет? Пожалуй убьёт, ведь и это случается... Но он просит о помощи, отказать нельзя! Она подошла к дверям и робко спросила:

— А кто ты такой? Зачем вышел из дома в стужу и бродишь так поздно?

— Ах! Нет у меня дома!.. Был хороший, тёплый домик. Я сам его себе выкопал в здешних местах, думая жить в нём с молодой хозяйкой; но злые люди её убили, меня ранили, ослепили и, взяв с собой в свои каменные хоромы, отдали на забаву детям. Мучили они меня, мучили долго! Потом уехали, а меня бросили. Вот я пробрался в поле и в лес, держась своих мест, по памяти. Второй день разыскиваю свою норку, но не могу найти, по слепоте своей. А может её и снегом засыпало, не знаю!.. Пусть-те бедного, бесприютного кролика на побывку!

— Кролика?.. Так ты, бедняжечка, безобидный кролик?.. Иди сюда, беленький! Входи скорей, отогрейся! Чем Бог послал поужинай!.. Ты, верно, голоден?

В норку просунулся белый, пушистый кролик с заиндедевскими усами и потухшими красными глазами. Он низко поклонился хозяйке, и присел на задние лапки, вытирая передними мордочку.

— Ах! Бедняжка! — повторила девочка, доставая ему съестное из своей кладовушки. На тебе, странничек, кушай!.. Вот морковь, вот кочерыжка капусты. Кушай! А я крепче закрою двери, чтоб холод к нам не пробрался. По жинай себе, да и ложись спать в своём углу; а я лягу в другом. Утро вечера мудренее: завтра лучше познакомимся!

Кролик поблагодарил и с удовольствием принялся ужинать.

Рано утром проснулась девочка, отворила запоры дверей и с удовольствием заметила, что день будет ясный.

Поднялся и сладко выспавшийся гость её и тотчас же принялся грызть недоеденную с вечера капусту.

В это время мышка вбежала зачем-то в норку к соседке и ахнула, увидав, что у неё гости. Девочка рассказала ей вполголоса историю кролика, а та, покачивая головой и ахая, вызвала её на минутку к себе и там таинственно сообщила:

— Да ведь это он, моя милочка! Зачем вы его впустили? Ведь он может потребовать, чтоб вы сейчас же очистили квартиру! Может прогнать вас.

— За что он меня будет прогонять? — удивилась девочка. — И кто же это такой?

— Да он же! Владелец вашего дома! — вскричала мышь. — Хорошо, что он сослепу не узнаёт его!.. Вы ему, смотрите, не проговоритесь. Я тоже прикажу своим домашним молчать. Надо постараться, как можно скорей выпроводить его из наших мест.

— Как это можно! Что вы говорите? — вскричала девочка. — Так это хозяин дома? Его трудами и гостеприимством я все время пользовалась? Боже мой! Надо его скорее поблагодарить и постараться вознаградить его за убытки! Ведь я пользовалась собранными им запасами, как своею собственностью.

И девочка побежала домой.

— Что вы делаете? Вы себя погубите! Какая неосторожность! — кричала вслед ей мышь. — Ну, уж это, право, преувеличенная честность!

Но Розанчик её не слушала. Она, запыхавшись, вбежала в норку и тотчас же рассказала кролику, что он находится у себя, в своём собственном доме, который она занимала, пока он пустовал, не думая, что хозяин его жив и нуждается в крове и пище.

— Я также воспользовалась вашими запасами, — прибавила она. — Надеюсь, вы меня простите?.. Я постараюсь вернуть вам с лихвой всё, потраченное на себя и на других. Быть может, вам угодно, чтобы я очистила тотчас же вашу квартиру? Хотя это будет для меня и трудно, но, если вы желаете, приказывайте! Вы здесь хозяин.

Удивлённый кролик осведомился, кто она такая, есть ли у неё друзья, убежище? Узнав, что она бесприютная крошка и не имеет здесь ни родства, ни средств к жизни, он в свою очередь предложил ей гостеприимство, и они зажили в общем жилище мирно, но не совсем счастливо.

Бедный кролик был измучен людьми, беспрестанно болел, а Розанчику приходилось ему постоянно обслуживать. Это бы ничего! Она рада была ухаживать за больным денно и нощно, но у неё было другое горе! Хозяин дома ел вчетверо больше, чем она. Ей было страшно, что им не хватить её запасов... А между тем, как отказывать в пище бедному слепому,

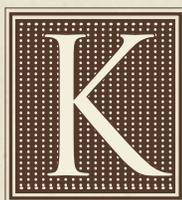
которому она была так обязана? Девочка могла только себя ограничивать до самого необходимого, но в этом мало было помощи.

Чем дальше шло время, тем печальнее и озабоченнее становилась бедняжка, тем сильнее голодала, с каждым днем уменьшая свою порцию орешков или сушёной ягоды.

И странное дело! Несмотря на этот добровольный пост, силы её прибавлялись не по дням, а по часам, и сама она быстро росла. Все соседи её это замечали; но бедняжка не знала радоваться ей этому или печалиться?

Она боялась, чтоб ей не лишиться таким образом до конца зимы не только пищи, но и крова; очень уж становилось ей тесно в кроличьем доме.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ПОСЛЕДНИЕ ИСПЫТАНИЯ

к концу близилась зима, но ни на полях, ни в лесу не было ещё годного корма. Мало оставалось его и в кладовушке розовой крошки! Наконец наступило время, когда всех запасов у неё оказалось на каких-нибудь два-три дня: одна морковка, три ореха, две груши, да испортившаяся слива...

Больной капризничал, требовал овощей, капустных листьев и не хотел верить, что все они закончились. Девочка терпеливо сносила ворчанье бедного слепца; сама же питалась почти одной водой.

Вскоре наступил тяжёлый день.

Рано утром, положив перед кроликом последнюю грушку, девочка Розанчик сказала ему, что она идет достать ему что-нибудь покушать и вышла в поле.

Холодная и голодная, печально бродила она по пустым полям, не замечая в своём горе, что снег уж почти всюду стаял и местами на чёрной, отдохнувшей за зиму, земле уже пробивалась зелёная травка. Вокруг неё все возрождалось к новой жизни.

Ручьи, с весёлым плеском, шумно сбегали с пригорков; по подтаявшим, покрасневшим ветвям деревьев ещё несмело, но радостно чирикали первые пташки.

Вдруг вдали что-то застучало.

Девочка взглянула и увидела приближающуюся повозку с двумя седоками. Она перепугалась и спряталась за камень.

Повозка проехала мимо; в ней она узнала их деревенского сторожа с сыном. Сторож правил лошадей, а мальчик сидел за ним и нехотя ел ситник.

«Он есть хлеб! Счастливый! О! как бы мне хотелось попробовать хоть маленький кусочек хлебца!» — подумала бедная крошка, не спуская глаз с мальчика, равнодушно кусающего ломоть ситника, обычный, надоевший ему завтрак.

Что это?.. Так ей представилось, или в самом деле он уронил кусочек хлеба на дорогу? Сердце её забило от радости.

Едва повозка скрылась за кустарником, она бросилась на упавший хлеб... О! каким он лакомством казался ей! Она так давно не ела печёного хлеба и так ужасно была голодна!

Девочка уже приблизила вкусный ситник ко рту; уже её беленькие зубки с наслаждением закусили кусочек, как вдруг в её воспоминании промелькнул больной кролик, ждавший пищи... Она ведь ему обещала! Он, бедный, на неё надеется!

Да! Но ведь сама она второй день ничего не ела! Сама она чуть с голоду не умирает! Ей так мучительно хотелось кушать, что одну минуту точно представлялось, что она умрет...

«Ну, так что ж?.. Значить так Богу угодно! А кролик ведь не виноват, что я съела всё, что он себе надолго заготовил: я обязана кормить его теперь, когда он слеп и сам для себя ничего не может!»

И Розанчик решительно убрала хлеб и, чтобы не соблазниться, бегом бросилась бежать домой.

В то же мгновение она почувствовала, что мучительный голод с неё как рукой сняло и живо добежала под ореховый куст... Но... что за диво? Почему в её отсутствие норка до того уменьшилась, что она никак не могла в неё войти... Что это значит? Как же ей быть? Надо же накормить бедного кролика! Она пригнулась к входу и закричала:

— Белянчик! Белянчик, пойди сюда... Я принесла тебе вкусное лакомство... Иди скорее кушать!

Кролик высунул мордочку и с наслаждением съел кусок хлеба. Хорошо, что он по слепоте не мог видеть, кто его кормит, не то испугался бы ужасно! Он бы мог теперь легко принять свою спасительницу за одного из тех злых детей, которые его искалечили, — до того она вдруг подросла.

— Боже мой! Что с вами случилось, розовая крошка? — услышала девочка-Розанчик мышиный писк у своих ног. — Вы стали великаном!

Тогда только, увидав свою добрую соседку-мышку такую крошечной, поняла наша добрая девочка, почему она больше не могла войти в кроличью норку...

Незаметно для самой себя снова свершила великодушная крошка славный подвиг милосердия: она отказалась от пищи, готовая сама умереть, лишь бы накормить голодного ближнего и сразу стала втрое выше, чем была до того...

Она залилась горячими, счастливыми слезами.

И вдруг свершилось в природе великое чудо: всё вокруг плакавшей, мысленно благодарившей Бога девочки зазеленело и расцвело.

Тысячи птиц наполнили пением, щёлканьем и свистом ожившие поля и рощи; тысячи мотыльков, жуков, пчёл и бабочек закружились над расцветавшими лугами и деревьями. А веселое, весеннее солнышко на всё разливало свои ласковые лучи, всё одинаково грело и радовало... Вся озаренная им, счастливая девочка подняла головку и сама, казалось, в своем блестящем розовом платье, превратилась из розового бутончика в свежий майский розан...

— Ах! Что это?

Девочка вздрогнула и отчаянно закрыла руками свое побледневшее лицо.

Над головой её, из молодой зелени берёзы, мерно раздавалось: «Ку-ку! ку-ку!..»

Она чуть не упала от испуга.

— О, Боже мой! Опять она? Колдунья! Все пропало!..

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку!.. — со злобным смехом отозвалась лесная волшебница. — Чего же ты меня боишься?.. Я пришла только предложить тебе сделку... Если хочешь, ты сейчас же можешь стать такой же боль-

шой девочкой, как была прежде. Желаете вернуться в свой дом, к отцу и матери?

— Желаете ли? О, Боже! Неужели это возможно?

— Очень возможно! Ты уж теперь столько подвигов натворила, что мне, бедной старушке, с тобою и не сладить! — насмешливо продолжала колдунья. — Ты можешь сделаться прежней девочкой сию минуту... Тебе для этого стоит только пожелать, чтоб твой брат превратился, на смену тебе, в такую же крошку, какую ты была.

— Мой брат?! — в негодовании вскричала девочка. — Ни за что! Мне пожелать, чтобы бедный братец мой вытерпел такое мучение? Он! Мужчина, которому во сто раз более, чем девушке, нужны рост и сила! Никогда!

— Какая храбрая! Ну, так ступай опять и навсегда жить в подземных норах со зверями! — пригрозила волшебница.

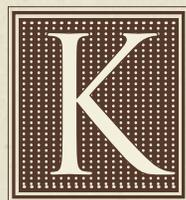
— Как Богу угодно! — твёрдо сказала девочка-Розанчик. — Если нужно, пусть лучше я навек останусь крошкой... Скорее умру сама, чем пожелаю братцу горе!

— А! Так вот как?.. Хорошо же! Ты хочешь умереть? Умри!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДОМА!

олдунья, вся дрожа от бессильной злобы, обернулась к лесу и закричала:

— Сюда, мои верные помощники!.. А! Вот и ты, слепая сила! Подземный крот, вечный могильщик! Иди сюда! Бери эту негодницу, эту гордую девчонку! Хватай! Грызи! Души её!

В ужасе увидела бедная девочка, что к ней подползал, обнюхивая землю, сердито скаля белые, острые зубы, серый, слепой крот.

— Ну, что ж? — закричала опять волшебница, поняв её страх. — Желаете, чтоб брат тебя выручил?

— Нет! Ничего дурного не пожелаю я не только брату, но никому на свете! — твёрдо отвечала крошка.

И закрыла глаза, чтоб не видеть страшного врага своего, готовясь сейчас умереть под его сильными лапами... Голова у неё закружилась, и она

упала на землю без чувств, хотя бедный слепой крот и не думал нападать на неё: он просто шёл себе мимо, когда колдунья вздумала напугать им девочку...

Теперь злая старуха увидела ясно, что злобе её не одолеть великой доброты и любви к ближнему Розанчика. Она поняла, что чары её отныне бессильны и грозно расхохотавшись, обернулась летучей мышью и полетела далеко за лес, навсегда оставляя эти места. Целая стая сок и ночных филинов поднялась вслед за ней и все они пропали вдаль, за чёрными тучами.

Когда девочка-Розанчик опомнилась, то увидела, что уже всё вокруг неё расцвело, а сама она стала больше и сильнее, чем когда-нибудь была.

Радостно вскочила она и побежала к родному жилищу...

И вот, пока она бежала, всюду под ногами её тропинка покрывалась чудеснейшими цветами. Кусты и деревья кланялись ей навстречу, роняя на её головку свои цветущие, благоухающие лепестки; а блестящая свита её лесных и полевых друзей бежала и летела за ней, сопровождая её весёлым пением, жужжанием и свистом.

Все сияло вокруг и все радовалось её счастью!.. Всё, казалось, ей радостно напевало:

«Слава тебе, милая, добрая девочка! Силой любви ты одолела злобу! Ты доказала, что истинная сила не в силе, а в правде и любви! Слава, честь и счастье тебе, великая крошка!»

А в родном доме отец, мать и братец, вне себя от счастья, выбежали ей на встречу! И любимицы её, розы, ярко зарделись от радости свидания, издали кивая ей пышными головками, роняя брильянтовую росу, как слёзы, будто тоже плакали от счастья, вместе с её родными.

— О, милая девочка наша! — сказали ей отец и мать. — Зачем ты так нас огорчила? Куда уходила от нас?

— Я на время ушла, дорогие мои! — радостно отвечала она. — И то затем лишь, чтоб ещё лучше научиться любить вас и весь Божий, светлый мир.

К О Н Е Ц

ИМЕНА

ВЕРА ПЕТРОВНА ЖЕЛИХОВСКАЯ

(17 апреля 1835, Екатеринослав — 5 мая 1896, Санкт-Петербург)

Русская писательница и публицист, младшая сестра и биограф Елены Петровны Блаватской, дочь Елены Андреевны Ган, двоюродная сестра Сергея Юльевича Витте.

Одна из блистательных русских дореволюционных писательниц, чью маленькую повесть «Розанчик» вы только что прочитали, мало известна в сегодняшние дни. А когда-то ею зачитывались.

Получила домашнее образование. Детство провела в Одессе. После смерти матери жила в Саратове у деда А. М. Фадеева, затем у отца в Тифлисе и Гродно. В 1855 вышла замуж за Н. Н. Яхонтова, брата поэта А. Н. Яхонтова. После смерти мужа переехала с детьми в Тифлис, где в это время жили её дед и дядя. В Тифлисе вышла замуж за директора гимназии В. И. Желиховского. С 1870-х сотрудничала в печати. После смерти второго мужа (1880) переехала сначала в Одессу, затем в Санкт-Петербург, где занималась литературной деятельностью.

Умерла в Петербурге, похоронена в Одессе.

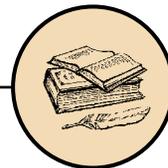
Дебютировала в печати очерком по поводу посещения гимназии в Тифлисе писателем Владимиром Соллогубом «Алаверды и Яхшиел» (Тифлис, 1872). С 1878 Желиховская много писала для

юношества, много печаталась в общих журналах и газетах (повести, рассказы, драмы). С 1880 рассказы и повести из кавказской жизни публиковала в журнале «Русский вестник». Сотрудничала почти со всеми детскими журналами и журналами для семейного чтения («Игрушечка», «Родник», «Детское слово», «Задушевное чтение», «Нива», «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение» и другие).

Неоднократно переиздавались автобиографические повести «Как я была маленькой» и «Моё отрочество», переведённые на несколько языков.

Фантастические произведения — повесть «Майя» (1893), сборник «Фантастические рассказы» (1896) выдержаны в романтической традиции; их герои — Корнелий Агриппа, северные шаманы и восточные маги, обладающие тайным знанием, недоступным простым смертным. Наряду со стилизованными легендами, Желиховской принадлежат рассказы о загадочных явлениях человеческой психики. Интерес к парапсихологии также отразился в книге «Необъяснимое или необъясненное» (1885).

Данная публикация сделана по изданию А. Ф. Девриена, г. Санкт-Петербург, 1889 год. Рисунки замечательного художника и писателя Николая Карзина.

Знамя полка Вани Прохорова

Когда Ваня вечером прибежал с речки домой, мама встретила его известием, что в Смоленской области нашли останки его прадедушки и просят их приехать на церемонию торжественного перезахоронения.

— Мой дедушка, Иван Прохоров, твой прадедушка, был командиром батареи и пропал без вести в сентябре 1941 года во время боёв за Смоленск, — сказала мама. — Тебя называли Иваном в его честь. Поисковая группа обнаружила место последнего боя его батареи. Там нашли медальон с его именем. Мы завтра выезжаем.

Утром рейсовый автобус доставил Ваню и его маму на станцию, а ско-

рый поезд повёз на запад. В Смоленске путешественников встретил капитан из военкомата, отвёз в деревню Мякишево и попросил пожить здесь и подождать два дня, пока не закончатся все работы. В деревне Ваню с мамой поселили в дом бабушки Ани, которая жила вместе с внуком Лёшкой. Ваня с Лёшкой оказались погодками, оба перешли в седьмой класс, оба любили рыбалку и купанье на речке, потому быстро подружились.

— Вань, пошли, я тебе нашу речку покажу, — предложил Лёшка.

День был жаркий и Ваня согласился. Речка была небольшая, мелкая, но песок на бережку был чистый и тёплый. Мальчики

покупались, поныряли. Оказалось, что Ваня плавать лучше, зато Лёшка лучше ныряет.

— Я могу целых полторы минуты быть под водой, — прихвастнул он.

Лёшка набрал в лёгкие воздух и нырнул под воду, а Ваня стал считать. Досчитал до пятидесяти пяти, как Лёшка вынырнул.

— И минуты нет, но всё равно здорово, — сказал Ваня, — А где здесь бои были, ты знаешь?

Лёшка удивился вопросу.

— Да везде. Тут такая война шла, говорят старики, ни одного дерева целого в лесу не осталось. Там, где раскопки ведут, там батарея стояла. Я сам слышал, как старики рассказывали. У артиллеристов уже снарядов не осталось, а танки с крестами на них прут и прут. Так бойцы с гранатами на них бросались. Все погибли. Потом, кого нашли, селяне похоронили на деревенском кладбище. А несколько человек засыпало взрывами, так их не нашли, и сейчас только обнаружили.

— Там моего прадеда нашли. Он командовал этой батареей.

— Да, — с уважением протянул Лёшка. — А командир раненый один с гранатой на танк пошёл, старики рассказывали. Маль-

Одарённый мастер художественного искусства

Александр БЕНУА

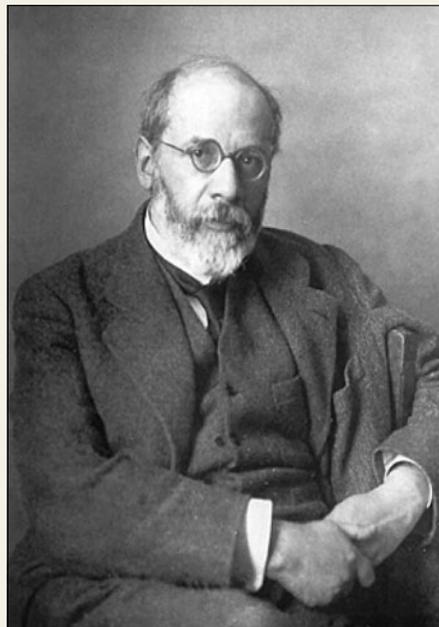
Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) — живописец, график, искусствовед, яркий представитель художественного объединения «Мир искусства», автор многочисленных литературных трудов, освещающих творчество русских и зарубежных мастеров, блестящий декоратор, работавший в театрах Москвы, Петербурга, во многих городах Европы и Америки. Жизнь его была полна труда и исканий, ошибок и больших творческих успехов. Необычайно одарённый художник, пропагандист искусства, организатор многочисленных выставок, музейный работник, активнейший деятель театра и кино, А. Н. Бенуа внёс огромный вклад в историю русской художественной культуры XX века.

Он родился в Петербурге 3 мая 1870 года в семье талантливых художников. Отец художника, Николай Леонтьевич, — академик архитектуры. Детство и многие годы жизни А. Н. Бенуа прошли в Петербурге, в доме № 15 по улице Глинки, недалеко от Крюкова канала.

Обстановка в доме, среда, окружавшая Александра Николаевича, способствовали его художественному развитию. С детства полюбил он «старый Петербург», пригороды столицы. Рано зародилась в нём любовь к сцене, он сохранил её на всю жизнь. Александр Бенуа был одарён исключительной музыкальностью,

обладал редкой зрительной памятью. Работы, созданные им в глубокой старости, «рисунки-воспоминания», указывают на поразительную стойкость и силу его жизненного восприятия.

А. Бенуа вместе с С. Дягилевым стали организаторами группы «Мир искусства» и журнала того же названия, основной задачей которого была пропаганда зарубежного и особенно русского искусства. А. Бенуа был душой «Мира искусства» и постоянным участником журнала. Он не окончил Академию художеств, считая, что художником можно стать лишь непрерывно работая. Исключительная трудоспособность позволяла ему за один день заполнить альбом ри-

Александр Николаевич Бенуа

Прогулка короля. 1906 г.

Парад при Павле I

сунками, поработать в мастерской над начатой картиной, побывать в мастерских театра, вникая в детали эскизов декораций и костюмов, в режиссуру и даже в проработку ролей с актерами.

Кроме того, Бенуа успевал подготовить статью в журнал или газету, написать несколько писем, всегда интересных мыслями об искусстве и всегда содержательных.

Интерьер

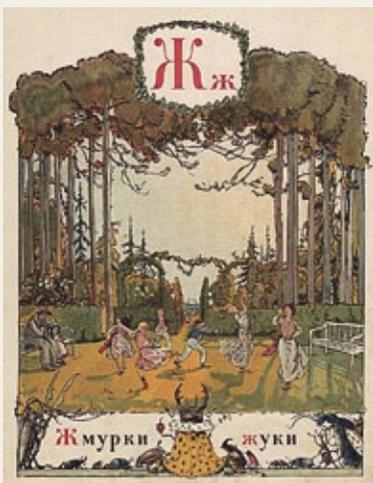
Страница Азбуки

В конце 1896 года вместе с друзьями Александр Бенуа впервые приехал в Париж и полюбил этот город; здесь им были созданы знаменитые «Версальские серии», изображавшие красоту парков и прогулки «короля-солнца» (Людовика XIV). Прекрасно разбираясь в событиях прошлого, Бенуа умел видеть

Страница Азбуки

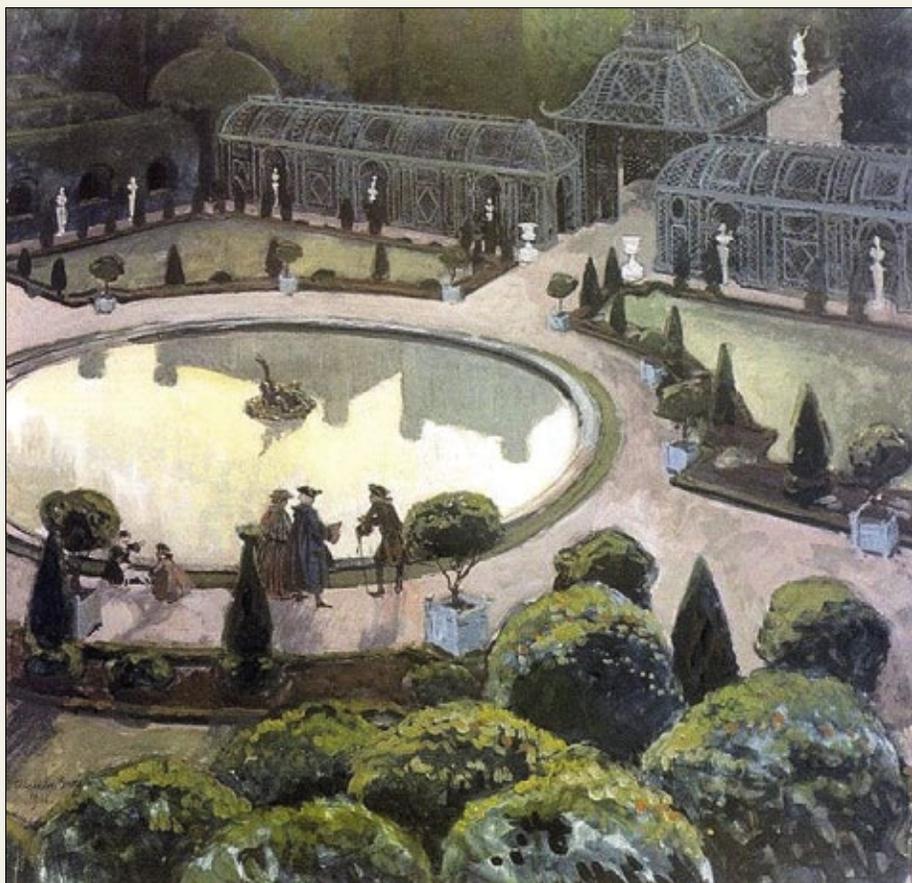
глазами человека XX века. Пример этого — картина «Парад при Павле I», где показано тонкое знание истории, костюмов, архитектуры. В творчестве А. Н. Бенуа особое внимание привлекают графические комментарии к произведениям литературы. Высшим достижением книжной

Страница Азбуки

графики явились иллюстрации к поэме А. С. Пушкина «Медный всадник»; над ними художник работал более двадцати лет.

А. Бенуа был также известным театральным деятелем. Он начал работать с К. С. Станиславским, а после Великой Октябрьской революции вместе с А. М. Горьким участвовал в организации Ле-

Оранжерея. Версаль

Страница Азбуки

нинградского Большого драматического театра, для которого создал ряд блестящих спектаклей. Оформление «Свадьбы Фигаро», поставленной в 1926 году, — последняя работа Бенуа в Советской России.

Еще в 1910-х годах как один из наиболее активных деятелей

Китайский павильон. 1906 г.

Декорация к балету Стравинского «Петрушка»

и организаторов (вместе с С. Дягилевым) гастролей русского балета в Париже А. Бенуа более всего заботился, чтобы эти спектакли способствовали мировой славе русского искусства. Все последние его работы посвящены продолжению и вариациям «русских серий», начатых ещё в 1907–1910 годах. Он постоянно возвращался к дорогим ему об-

разам пушкинской поэзии: «На берегу пустынных волн», «Наводнение в Петербурге в 1824 г.» В последние годы жизни А. Бенуа снова, но уже в живописи, разрабатывал эти сюжеты. Работая для кинематографии, А. Бенуа обращался к образам Ф. М. Достоевского, к русским темам. В музыке он страстно любил Чайковского, Бородина, Римского-

Корсакова. Умер А. Н. Бенуа 9 февраля 1960 года в Париже.

«Какую бы чушь современные художественные борзописцы ни городили про меня, про моё «эстетство», мои симпатии влекли и теперь влекут меня к простейшим и вернейшим изображениям действительности», — говорил Бенуа.

www.peoples.ru

Эскизы костюмов Петрушки и уличной танцовщицы к балету «Петрушка»

чишка один с опушки напротив всё видел и в деревне рассказал. Но командира тогда не нашли.

Ваня представил себе, как его раненый и весь перевязанный прадед Иван Прохоров один с гранатой в руке идёт на танк, и ему стало страшно за прадеда.

Солнце сползло к лесу, и мальчики засобирались домой. Маме бабушка Аня постелила на диване в гостиной, а Ване поставила рядом раскладушку. С дороги и после купания на речке Ваня уснул сразу, едва лёг на скрипучую койку и чуточку согрелся под одеялом.

Среди ночи он неожиданно проснулся, будто кто-то тронул его за плечо.

Ваня открыл глаза и с удивлением увидел себя на опушке леса. Вокруг изрытая воронками земля, запах гари и жар от горящих ящиков из-под снарядов. Перед ним стоит командир с перевязанной головой и, морщась от боли, говорит ему, глядя прямо в глаза.

— Иван Прохоров, запомни, в подвале школы, в углу, в гильзе из-под снаряда я спрятал знамя моего полка. Найди знамя и передай в часть. Сохрани честь моего полка, Иван Прохоров. Это приказ. Запомни, в углу подвала в школе.

Сказал и снова тронул Ваню за плечо. Ваня от прикосновения проснулся и увидел, что Лёшка трясёт его.

— Вставай, соня. Весь день проспишь. Пошли

скорее на рыбалку. Сейчас спозаранку рыба у нас знаешь, как клюёт.

Мама уже встала и помогала бабушке Ане на кухне. Ваню и Лёшу покормили яичницей и оладьями с молоком.

— Ну что, пойдём на рыбалку? — спросил Лёшка.

— Подожди Лёшка, надо подумать. Скажи, где у вас до войны была школа?

— Так-то когда было, — протянул товарищ. — Мне сказывали, что в барском доме на холме. Так его в войну разрушили, и там сейчас уже только старые кирпичи кое-где можно найти.

— Пойдём туда сходим, — предложил Ваня.

— А что там делать? — удивился Лёшка. — Ладно, давай сходим, там на развалинах малины много. Уже должна поспеть.

Ребята поднялись на холм перед деревней. Место было заброшенное, заросшее орешником и дикой лесной малиной. Лёшка стал искать

спелую ягоду, а Ваня обошёл холм, внимательно всматриваясь под ноги, пытаясь что-то отыскать в буйных зарослях.

— Вань, иди сюда, смотри, сколько малины уже спелой.

— Подожди, Лёша с малиной. А где у школы был подвал, ты не знаешь?

Лёша подумал, почесал густую шевелюру.

— А тебе зачем?

— Потом скажу. Скажи, если знаешь.

— Мне бабушка рассказывала, что после войны от школы только подвал и остался. Так поселковые ребята там играть начали, костры жечь, с уроков сбегать, покуривать. Тогда председатель сельсовета приказал подвал засыпать. Привезли самосвал глины и завалили туда вход. А был он на углу здания, с правой стороны. Вот здесь где-то.

Лёша показал на кучу глины в сторонке.

— Лёша, а лопату ты найдёшь дома?

— Да есть лопаты. А что ты задумал?

— Пошли за лопатами, — решительно сказал Ваня и направился обратно в деревню.

— Чудак, ты малины нашей даже не попробовал, — бросил ему Лёшка и поплёлся следом.

Вскоре ребята вернулись с лопатами и начали копать глинистый отвал, где должен был, по словам Лёши, находиться вход в подвал. Копать было непросто. За долгие годы глина слежалась, высохла, и отступала с большим трудом. Лёшка скоро не выдержал.

— Ваня, ну зачем тебе нужен этот подвал? Может он вообще завалился.

— Будем копать, пока не откопаем, — твёрдо сказал Ваня и с новой силой ухватился за лопату. Но когда ребята сняли верхний слой ссохшейся глины, стало легче. Сырая глина стала податливей, и вскоре друзья откопали дверь, ведущую в подвал. Доски двери отсырели и стали трухлявыми. Ваня ударил лопатой, доска отвалилась и открылся чёрный лаз. Лёше стало страшновато.

— Вань, а вдруг там змеи?

— Нет там змей. Там знамя полка, — ответил Ваня и бесстрашно протиснулся в темноту. Лёша, оглядываясь, с опаской проследовал за ним. Когда глаза ребят привыкли к темноте, они осмотрели помещение, в котором оказались.

Обширный подвал, в отличие от дома, хорошо сохранился. Бетонное перекрытие стойко выдержало удар войны и времени. Лишь один угол не выдержал и был завален просевшим грунтом и битыми кирпичами.

— Что же ты, Иван Прохоров, не сказал мне, в каком углу мне искать знамя, — подумал Ваня. — Ну, раз мы не знаем, в каком, то изучим все.

— Лёша, мне ночью приснился мой прадед, командир, тяжело раненый, и приказал мне найти знамя полка, которое он спрятал в гильзе от снаряда в углу этого подвала. Будем искать знамя.

Лёша во все глаза смотрел на товарища.

— Вань, так тебе это просто приснилось. Чего это мы полдня копали ради простого сна?

— Лёша, это не простой сон. Мне отдал приказ мой прадед перед смертью, и я его обязан выполнить. Комай в этом углу, а я напротив. Ты видел гильзы от гаубицы. Вот в такой гильзе спрятано знамя.

Друзья стали копать землю в разных углах подвала. Но в них ничего не нашли, кроме строительного мусора. Вдвоём ребята быстро выкопали яму возле третьего угла, но и там ничего не оказалось.

— Вань, да нет здесь ничего. Тебе просто приснилось, — взмолился Лёшка. — Сейчас на речке так хорошо, а мы в сыром подвале ковыряемся, как слепые кроты.

— Лёша, надо проверить этот угол, — твёрдо заявил Ваня.

Он подошёл к четвертому углу, засыпанному просевшим грунтом и стал его очищать. Неожиданно лопата задела что-то твёрдое.

— Что-то есть, — обрадовался Ваня, и вместе с Лёшей принялся освобождать угол от мусора. Вскоре под лопатами показалось что-то большое и чёрное.

— Это не гильза, — заявил Лёша. — Гильза поменьше, и она медная.

Ещё немного, и перед копателями вырисовался чёрный страшный силуэт крупной авиабомбы. Хвостатое мерзкое чудовище спокойно возлежало посреди битых кирпичей и мусора, словно приглашая продолжить раскопки и посмотреть на всю её смертельную красоту.

— Бомба, — ахнул Лёшка, — неразорвавшаяся. А вдруг сейчас жакнет? Ваня, делаем ноги.

Ваня мрачно смотрел на бомбу и молчал.

— Ваня, надо военным сообщить. Они приедут и разминировать. Тогда мы и откопаем знамя полка, если оно там есть.

— Военные не станут разминировать эту гадину. Они подорвут её на месте. И от знамени ничего не останется, — сделал вывод Ваня. — Нам надо её откопать и закрепить, чтобы не пошевелилась. Только потом мы сможем отыскать под ней знамя.

— Вань, я боюсь, — признался Лёша, — это

большая бомба. Если что, от нас и трусов не останется.

— И от знамени тоже, — ответил Ваня и стал осторожно освобождать бомбу. Скоро стало ясно, что бомба не лежит на полу подвала, а чуть висает, застряв в битых кирпичах. Ваня огляделся. Увидев в стороне несколько кирпичей, скомандовал:

— Лёша, я буду откапывать бомбу снизу, а ты сразу подкладывай под неё кирпичи. Главное, чтобы она не упала. Вот тогда будет нам совсем плохо.

Началась ювелирная работа. Ваня руками извлекал из-под бомбы землю, а Лёша тут же подсовывал под неё кирпич. Так продолжалось до тех пор, пока не освободили весь угол подвала от мусора. Бомба смиренно лежала на кирпичах, словно так всегда и было.

— Давай подкапывать под неё. Там должна быть гильза, — сказал Ваня, и копнул лопатой грунт под бомбой. Лопата уперлась во что-то твёрдое, звонкое. Ваня ещё разок зацепил грунт, и из земли вывернулась позеленевшая от времени орудийная гильза.

— Вот оно, знамя, — ахнули ребята.

Они осторожно стали извлекать гильзу из-под бомбы, и тут произошло обрушение. Словно не желая отдавать святыню войны, фашистская громадина провернулась, высвободилась из грунта и мягко легла на гильзу, прикрывая её своим чёр-

ным телом. Ребята отшатнулись и замерли. Мгновения тянулись, как часы. Но ничего не произошло. Бомба улеглась на пол подвала, придавив собой гильзу, отчего та даже чуть прогнулась.

— Вань, я думал, что всё, нам кранты.

— Видимо, ещё не всё. Не хочет фашистская сволочь отдавать знамя полка. Но мы обязаны его достать. Это приказ. Война продолжается, — стиснув зубы, промолвил Ваня. — Возьми вон ту доску, через кирпич осторожно поднимешь бомбу, а я вытащу гильзу.

Медленно, по миллиметру ребята приподнимали смертельную опасность, и как только гильза освободилась, вытащили её, и

так же медленно опустили бомбу.

Бережно прижав гильзу к себе, как великую драгоценность, Ваня выбрался из погреба. За ним, чертыхаясь, вылез Лёшка.

— А ты, Лёшка, не верил, говорил, что это просто сон. Вот оно, здесь, знамя полка.

— Вань, давай вытащим его, посмотрим.

— Нет, Лёша, нельзя нам его вынимать. Неизвестно, в каком оно состоянии. От древности его повредить можно. Надо его отдать специалистам.

— Тогда пошли на раскопки. Там передадим военным.

Так ребята и поступили. Они передали гильзу военным и рассказали историю про сон. Не забыли рас-

сказать и про бомбу. Военные недоверчиво покачали головой, но гильзу приняли и пообещали разобраться и принять меры.

На следующий день состоялось торжественное захоронение героев Великой Отечественной войны. Играл оркестр, произносились речи. Наконец слово взял представитель министерства обороны. Седой генерал рассказал о жестоких боях при обороне Смоленска, о том, как героически обороняли город советские солдаты. В завершении речи он неожиданно поискал среди присутствующих кого-то глазами, и поманил рукой к себе Ваню и Лёшу.

— Великий героизм проявили солдаты Совет-

ской Армии в годы войны. Но и в наше время есть героические продолжатели дела отцов и дедов. Вот эти ребята, правнуки воинов Победы, вчера совершили подвиг, и нашли знамя полка, спрятанное от немцев в годы войны. Они нашли его с огромным риском для жизни, проявив мужество и героизм, не испугавшись огромной неразорванной фашистской авиабомбы. Сейчас там работают сапёры, и ликвидируют опасность, столько лет нависавшую над жителями деревни. Благодаря ребятам знамя живо, и будет восстановлен полк, который продолжит охрану покоя нашей страны. А я буду ходатайствовать,

чтобы вас, ребята, наградили военной медалью «За боевые заслуги». Вы заслужили эту награду. Вот это знамя, пережившее столько, но не доставшееся врагу.

Генерал осторожно развернул пакет и вынул из него красный кумач, развернувшийся в потемневшее от времени, местами пробитое пулями знамя, тотчас ожившее под взглядами сотен людей и затрепетавшее на лёгком ветру.

Все захлопали, а ребята стояли перед всеми, красные от смущения. После завершения церемонии генерал подошёл к маме и передал ей листок бумаги.

— А это вам письмо через столько лет. Спасибо вам за деда и за сына.

Дрожащими руками мама взяла письмо, торопливо написанное красным карандашом, и прочитала: «Дорогие мои, пишу вам последнее моё письмо. Надеюсь, оно рано или поздно дойдёт до вас вместе со знаменем полка. Я ранен, и вряд ли переживу завтрашний бой. Но помните, что ваш сын, муж и отец мужественно дрался с врагом. Живите дружно в мире и помните обо всех нас, не пожалевших жизни. Иван Прохоров».

Мама читала это письмо и плакала, и Ваня плакал, но вместе со слезами в нём поднималась гордость за своего героического прадеда, которому было тогда всего двадцать три года и два месяца.

Сергей Ив. Иванов

Здесь работали собаки

Посёлок Павлово в Ленинградской области своим появлением на свет и даже своим обликом целиком обязан первому русскому нобелевскому лауреату Ивану Петровичу Павлову — физиологу, исследователю условных рефлексов, довольно экстравагантному человеку, характер которого сложился ещё в девятнадцатом веке. Именно тогда расцвела «позитивистская наука», то есть наука, свободная от богословия и основанная на многочисленных опытах. В девятнадцатом веке казалось, что такая наука вскоре объяснит всё на свете и решит все проблемы. Правда, не успел начаться XX век, как стало ясно, что наука не только не решает всех проблем, но добавляет ещё и новые (например, отравляющие газы, бомбардировщики, пулемёты, а затем и ядер-

ное оружие). Но люди, воспитанные в эпоху позитивизма, как будто не замечали новых научных угроз и продолжали верить в спасительную роль науки.

Это, конечно, лучше, чем варварское отрицание любых знаний. Учёные того времени действительно смогли добиться немалых успехов. На их открытиях держится всё здание современной цивилизации, ничего принципиально нового с тех пор не придумано. Однако фанатичная вера в науку наделала немало бед. Во имя науки и ради технического развития было принесено достаточно жертв — и человеческих, и культурных, и духовных. Страдали не только люди, но и животные. Опыты по физиологии и высшей нервной деятельности, которыми занимался Павлов, ставили и на обе-

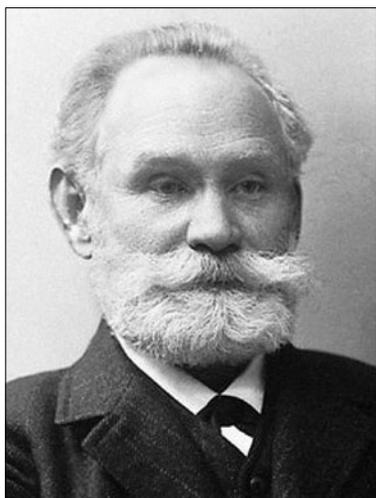
УГОЛОК РОССИИ

зьянах, и на крысах, но самые знаменитые эксперименты Павлов провёл на собаках.

Институт физиологии высшей нервной деятельности, который возглавлял академик, находился в Петербурге (Ленинграде). Но в старости Павлов решил, что исследования удобнее вести в сельской местности. Возможно, Павлов вольно или невольно подражал английским учёным, которые в то время находились на передовой научного поиска. Англичане ещё со средних веков имели маленькие научные городки вдали от столицы — Кембридж и Оксфорд. Павлов, наверное, мечтал создать свой русский Кембридж. Для создания нового научного городка выбрали село Колтуши неподалёку от Петербурга. Здесь и возник филиал Института физиологии Академии наук СССР.

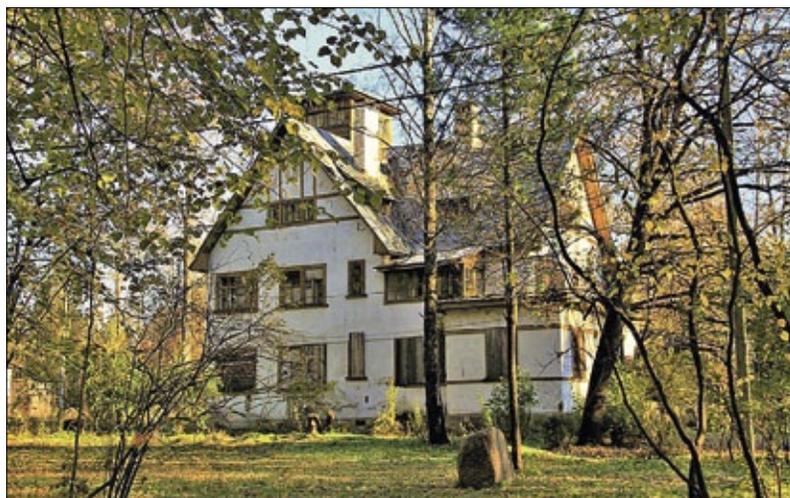
Впрочем, Павлов строил не на пустом месте. Городок возник на территории бывших владений местных помещиков. Барский дом юриста с иностранной фамилией де Каррьер и стал первым помещением будущего института, а сначала — собачьего питомника. Скорее всего, парк научного городка тоже достался в наследство от Сергея Аркадьевича де Каррье́ра и его предшественников, прежних владельцев Колтушей, среди которых и герой войны 1812 года П. Н. Чоглоков.

Парк в Павлово совсем не большой, однако сохраняет черты двух великих эпох. Одна эпоха — блистательный девят-

Академик И. П. Павлов

надцатый век, вершина российского имперского, политического и культурного могущества. Неподальёку от Павлово и Колтушей находится усадьба Приютино (о ней мы писали в 12-м номере «Детской Роман-газеты» за 2015 год), которой владел президент Академии наук и директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин. Наверное, как и парк в Приютино, Колтушский парк создавался в романтическом стиле, модном в девятнадцатом веке. Всё здесь способствовало этому — и холмы Колтушской возвышенности, чередующиеся с заболоченными низинами, и маленькое озеро, корабельные сосны и «пасторальные» деревенские пейзажи — низкие избы и пастбища. Однако стиль паркового английского романтизма, попав в Россию, изменился. В конце концов, как доказал в своих исследованиях Д. С. Лихачёв, в русских усадьбах английский романтический стиль превратился в своеобразный «помещечий». В среднем русские романтические парки меньше английских — просто потому, что русские помещики были беднее (исключение составляют лишь романтические парки царских резиденций — нынешнего го-

Научный городок академика И. П. Павлова (с. Павлово Ленинградской обл.)

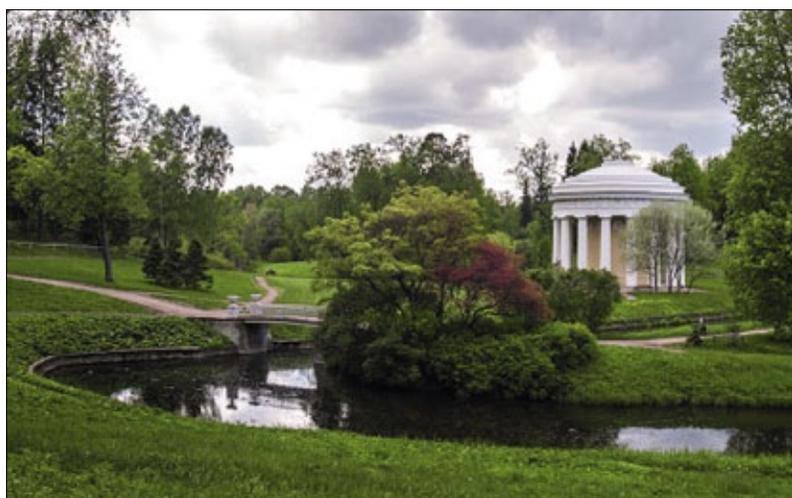
рода Пушкина, Гатчины и Павловска). Зато к русским паркам почти всегда прилегают бескрайние леса и луга, становившиеся как бы продолжением искусственных насаждений. А главное, русские садоводы внесли изменения в саму планировку «английских парков». Лиственные и хвойные деревья у нас сажали гораздо теснее, чем в Европе, что создало знаменитые «тёмные аллеи» русских парков. В план наших пейзажных парков обязательно включали и регулярную часть, оставшуюся в наследство от русских «аптечных огородов» и садов эпохи барокко. В эту часть, которая располагалась обычно перед барским домом, входили разбитые по линейке цветники, клумбы, боскеты из подстриженных кустарников.

Была, скорее всего, такая часть и в Колтушском парке. До наших дней она не дошла — её заменили насаждения в стиле «сталинского ампира», окружившие институтские постройки в центре научного городка.

Новый русский «ампир», явившийся в парковом искусстве и архитектуре XX века, в целом повторял стиль своего предшественника — русского классицизма XIX века, тесно

связанного с романтическим парковым искусством. Правда, в садово-парковом искусстве СССР классицизм не достиг таких высот, как в сталинской архитектуре Москвы. Сады и парки XX века у нас выглядели скромнее и беднее, чем в блистательный век Александра Первого и Николая Первого. Сказалась бедность страны, нехватка денежных и человеческих ресурсов. Не появилось у нас тогда и выдающихся архитекторов в области паркового искусства. Поэтому и сейчас «регулярный парк» (вернее, скверики) научного городка выглядит не так интересно, как остатки «тёмных аллей» девятнадцатого века. Но и эти скверы несут настроение ушедшего времени — периода, когда на науку возлагались большие (наверное, завышенные) надежды, и несговорчивый, споривший с властью академик Павлов получил в своё практически личное владение целое поместье.

Белёные оштукатуренные дома семьи Павлова и его преемника Орбели архитектор городка, работавший под личным руководством Павлова, нарочно стилизовал под европейские «фахверковые» коттеджи. Они и придавали Павлово англий-

Павловский парк

ский облик. Правда, один из коттеджей недавно сгорел, а другой разрушается. Лаборатории построены в стиле модного в двадцатые годы конструктивизма, а центральное здание института — уже в сталинском стиле «ампир», который ещё иначе называют «палладианским». И по сей день это здание выглядит строго, внушительно и в то же время по-своему уютно.

Английский стиль Павлова подчёркивает и новая достопримечательность — городские часы, выполненные в форме башни лондонского «Биг Бена». Их установили в 2010 году недалеко от въезда в научный городок.

В результате на небольшой территории Павловского научного городка и в окрестностях его оказалась собрана история архитектурного и садово-паркового искусства трёх веков. Старинный парк с лиственничными аллеями возвращает нас в девятнадцатый век. Институт физиологии молча рассказывает о событиях XX века, а устроенная недавно на противоположном берегу озера, у идущего из Петербурга во Всеволожск шоссе памятная площадка с балюстрадой, мемориалом в честь знаменитых людей Колтушей и «Биг Беном»

расскажет потомкам уже о начале века двадцать первого. Современные архитекторы опять возродили стиль «ампир», который призван свидетельствовать благополучие, богатство и силу государства, а в данном случае — Колтушской волости Всеволожского района. Там же, в центре посёлка, стоит большая деревянная церковь Иоанна Кронштадского, архитектура которой возрождает средневековые русские традиции.

Павлово наглядно свидетельствует о научных пристрастиях академика-основателя. На главной аллее стоят бюсты его научных учителей и тех, кого он считал своими предшественниками. Это философ Декарт, придумавший термин «рефлекс», первый генетик Мендель и первый русский физиолог Сеченов. В пятидесятые годы руководству института под нажимом властей пришлось убрать в запасники опального генетика Менделя и установить бюст Дарвина. Теперь в городке они присутствуют все вместе, в компании с основателем Павлова. Длинноусый академик, похожий на доктора Айболита, изваян в полный рост. Он стоит перед зданием так называемой «Старой лаборатории» в рабочем хи-

Собака Павлова

рургическом халате, с застёжкой на спине. Видно, что он только что закончил очередной эксперимент. У его ног сидит собака — одна из тех, над которыми ставились многочисленные опыты. Подробно познакомиться с последними годами жизни академика, узнать о его открытиях и полюбоваться живописью прошлого века можно в доме-музее Павлова (в «Старой лаборатории», на втором этаже которого жил учёный).

Собак, которых ведут из вивария на опыты, изредка можно встретить в Павлово и сейчас. Действует так называемый «антропоидник» — помещение, где живут три шимпанзе — Доня, Джинна и Рики. Летом они выходят в открытый вольер. Кроме шимпанзе, в виварии института содержится много «низших» обезьян. Как бы ни оценивали роль науки в современном обществе, ею приходится заниматься. Возможно, таких значительных для своего времени открытий, как теория условных рефлексов, в области физиологии нервной деятельности больше и не будет совершено, однако в организме человека и животных есть ещё много достойного изучения.

Порядок на планете

Продолжение. Начало см. в № 1–6 за 2020

ЗЕЛЁНЫЙ
ПАТРУЛЬ

Самая рациональная экономика

Если подойти к делу чисто математически, с точки зрения физики, то мы придём к парадоксальному выводу: самой рациональной, экономически выгодной хозяйственной системой является первобытная!

Ведь что такое, вообще говоря, выгода? Это соотношение затрат к прибыли. Затраты могут быть как денежные, так и натуральные (трата ресурсов). К ним относится и вложенный труд.

Но что тратил первобытный человек, который был занят собирательством? Ровным счётом ничего: у него не было ни денег, ни ресурсов.

А что он приобретал? Да всё, что требовалось для жизни ему и его родственникам: пищу, одежду, кров (в виде бесплатных пещер). То есть он приобретал 100 процентов ресурсов, не затрачивая ресурсов и энергии.

Даже если он становился охотником, это почти не влияло на баланс затрат и

приобретений. Первобытный охотник был в то же время собирателем: недоеденные хищниками или отнятые у них «мясные продукты» тоже шли в дело.

При этом предки отнюдь не тратили всю жизнь на добычу пропитания. Наоборот, судя по всему, свободного времени было у них больше, чем у современного инженера и тем более программиста. Об этом мы можем судить и по опыту современных народов, которые живут охотой и собирательством, и благодаря ар-

Первобытное искусство

Дикие быки на стене пещеры Альтамира в Кантабрии

хеологическим находкам. Известны несколько доисторических астрономических календарей, изображённых на костях и бивнях мамонтов, которые свидетельствуют, что первобытные люди имели достаточно времени для наблюдений за небесными телами. Но на это у них не было бы сил, если бы они целый день носились, как угорелые, в поисках провизии.

Закономерным результатом такого избыточного досуга, которым располагали наши предки на заре человечества, стали точнейшие солнечные, лунные, даже «венерианские» и «марсианские» календари, созданные астрономами майя и жителями древнего Вавилона, а также Индии. Циклы, которые охватываются этими календарями, делятся десятки тысяч лет — и значит, нужно было вести непрерывную запись наблюдений в течение многих столетий, чтобы затем обобщить эти данные. И если в государстве майя или Древнем Египте календарные знания, видимо, принадлежали исключительно жрецам, которые, наверное, собирательством не занимались (хотя кто их знает?), то в менее цивилизованных краях такого строго разделения труда между интеллигенцией и рабочими не было. А значит, любой собиратель или охотник мог при желании всю ночь «считать звёзды», не мучаясь при этом от голода. Кроме того, эти первобытные собиратели изобрели колесо, лыжи, письменность, вигвамы и другие простейшие жилища, музыку и

Индийский вигвам

живопись. Как уверяют специалисты, даже театр придумали первобытные охотники, подражая движениям животных.

Первобытная присваивающая экономика неожиданно оказывается гораздо более выгодной, чем современная, производящая.

Но это, так сказать, качественная оценка. Сравним разные способы производства методом «исследования операций».

Сначала надо понять, в каких единицах мы будем считать доходы и расходы.

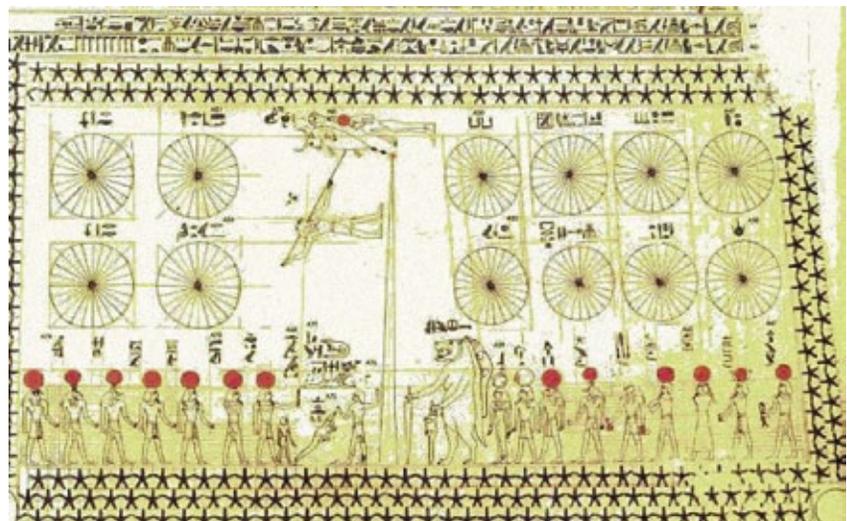
Деньги не годятся, потому что не являются универ-

сальным эквивалентом. Цены могут быть спекулятивными и вообще высосанными из пальца. Дорогие (трудоемкие в изготовлении) вещи могут стоить на рынке дешево (если они, например, украдены) и наоборот.

Лучше всего сравнивать энергию — затраченную и полученную. Энергия — это величина, которую можно измерить точно (в джоулях).

И вот подсчитано, что тракторы, которые используются для вспашки полей и других сельскохозяйственных работах, сжигают столько же энергии, сколько её содержится во всём урожае, который вырастили с помощью этой техники.

Конечно, нам бензина и солярки не жалко, мы это не едим, в отличие от картошки и хлеба. Но ведь сырьё для солярки — нефть — нужно добыть из земли, затратить энергию и труд! А потом ещё переработать эту нефть! И всё это — с неизбежным загрязнением окружающей среды! И если мы добавим экологические потери к этим энергозатратам, то получится, что тех-

Древнеегипетский календарь в гробнице Сенемута

ника трудится на полях... нам в убыток.

Впрочем, такое невыгодное соотношение убытка и прибыли началось в сельском хозяйстве не сегодня. Чистую энергетическую выгоду даёт только собирательство. Уже в простейшем земледелии, которым занимались, скажем, на Руси с древности и до XX века, соотношение затрат к потерям будет 20 к 1 (то есть на каждые 20 джоулей полученной в сельскохозяйственных культурах энергии приходится 1 затраченный джоуль). В животноводстве такое соотношение уже 2 к 10 (на каждые полученные 2 джоуля энергии, заключённой в мясе и молоке, тратится 10 джоулей). А в современном тепличном производстве — аж 2 к 100!

Только представьте: на каждый джоуль энергии, заключённый в огурце, который вы едите зимой (он несомненно выращен в теплице), затрачено 50 джоулей! Конечно, затрачивали то не вы, и вам эти расходы не заметны. Вы только отдали несколько рублей и съели вкусный огурец. Но... кто-то ведь эти джоули для производства огурцов расходует.

И не только «кто-то», но и «что-то» — то есть природа, окружающая среда, наша Земля в конечном итоге.

Если же взглянуть на это безобразное соотношение не энергетически, а экономически, то получится, что ваши расходы на этот огурец так малы, потому что кто-то другой за него платит. Например, для выращивания этих огурцов использу-

Монастырское хозяйство

ются низкооплачиваемые рабочие. Или же для организации такого тепличного производства взяты кредиты, а кредиты, как известно — это деньги, отнятые у будущего (ведь кредитные проценты являются причиной инфляции, то есть прогрессивного обесценивания денег)... Ну и конечно, чем больше энергии затрачено на производство того или иного овоща, тем больше сожжено топлива в электростанциях и энергоустановках (например, ТЭЦ и котельных, которые обогревают теплицы), а значит — «произведено» больше дыма и шлака.

Замкнутый круг.

— Ну хорошо, — скажете вы, — допустим, отдельные люди вроде Торо или наших героических дачников способны жить в гармонии с природой, не загрязняя окружающую среду, забирая от природы минимум необходимого и не нарушая энергетического равновесия. Может быть, особые здоровяки способны прокормиться на подножном

корме, как это делают разведчики и диверсанты в тылу врага, когда у них закончатся консервы. Пожалуй, заботясь о природе, можно попытаться вернуться и к собирательству. Такие опыты неоднократно проделывали, например, реконструкторы индийского быта. На просторах нашей страны иногда можно увидеть настоящие индийские типи-вигвамы, собственноручно сделанные любителями из кожи и жердей, в которых вполне уютно и просторно. Правда, переезжают в эти вигвамы наши «индейцы» в основном летом, на время отпуска. Зимой заниматься собирательством уже сложнее. Собирать практически нечего, снег мешает. А как выживут в такой экологически чистой экономике старики и дети, больные люди?

И даже если предположим фантастическую возможность всеобщего оздоровления и пожизненной бодрости: как будут взаимодействовать друг с другом такие отдельные хозяй-

ства? Не появятся ли между ними неразрешимые конфликты? Не захотят ли агрессивные соседи воспользоваться беззащитными крестьянами или фермерами и пожить за их счёт?

Такое вполне возможно, ведь злость и агрессия ежедневно проявляются в нашей жизни. Значит, понадобятся какие-то люди, которые защищают тех, кто выращивает картошку, а также специалисты, которые решают конфликты между отдельными лицами: то есть полиция, армия и суд.

Эти вещи могут существовать только в государстве. А государства не может быть без правительства, чиновников, транспортной и информационной структуры.

Но чиновников, курьеров, телеграфистов и программистов, а также солдат и полицейских, писателей и артистов придётся кормить из общественного котла! А откуда возьмётся этот «котёл», если каждый будет производить лишь

столько, сколько еле-еле хватает ему самому?

Значит, нужно повышать производительность сельского хозяйства, использовать удобрения, технику, разные ирригационные системы.

Но всё это требует энергии. А чтобы получать энергию, надо строить электростанции, сжигать в топках уголь и газ. И при всех этих производствах — энергии, химических удобрений, оружия для защиты граждан — выделяются вредные вещества, остаётся мусор, загрязняются реки, океаны, атмосфера, почва. В результате искусственная среда, которую люди создают, чтобы в ней было комфортно жить, оказывается ужасно некомфортной, грязной, опасной для здоровья. Можно, конечно, переносить грязные производства в чужие, зависимые страны и колонии, но это рождает новые проблемы, уже международные. Рано или поздно подчинённые народы откажутся жить на мусорной свалке и возвратят всю грязь обратно туда, где её произвели...

Так что же, получается замкнутый круг? Экологически чистая жизнь без мусора возможна только на отдельных хуторах или в небольших деревнях, но такие поселения без защиты государства тут же будут ограблены и разорены. А существование государства требует «грязной» промышленности и денежной экономики со всеми их недостатками...

Нельзя ли придумать такую форму общества, которая соединяла бы в себе чистоту и экономию экологически чистого, аскетического хозяйства и преимущества коллективизма, объединяло общий труд и личное творчество, социальную защиту и бережное отношение к природе? Оказывается, можно. Более того, такие сообщества давно уже существуют и доказали на многовековом опыте свою жизнеспособность. Это — монастыри.

В издательстве «Детское время» (Санкт-Петербург) вышла книга нашего постоянного автора Сергея Иванова «Порядок на планете», главы из которой вы читаете на страницах «Детской Роман-газеты».

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

ВОКЗАЛ

В царской Руси место остановки поездов называлось железнодорожной станцией, а вот вокзалом, или воксалом на старый манер, называли увеселительное заведение, где проходили гуляния, концерты и приёмы. Слово берёт своё начало от английского Vauxhall Gardens — так назывался развлекательный сад в Лондоне, популярный в XVII–XIX веках.

По приказу Николая I аналогичный центр был построен в городе Павловске. Этот небольшой городок являлся конечной станцией Царскосельской железной дороги. Воксал привлекал публику из Петербурга и, как следствие, окупал строительство и содержание первой российской железной дороги. Располагался воксал в непосредственной близости от станции, и это привело к тому, что в скором времени гости перенесли название увеселительного заведения на само станционное строение. В дальнейшем название прижилось и перекочевало на все остальные железнодорожные точки.

Художник Г. Лопачёва

Виталий Бианки

Бешеный бельчонок

Мы с сынишкой собрались в лес по грибы. И только свернули тропой с просёлочной дороги, — навстречу нам из лесу собака Клеопарда. Злющая — чистый волк.

Сынишка был впереди меня. Он хотел кинуться назад, ко мне, но я успел крикнуть ему:

— Только не беги! Иди, как шёл.

Ускорив шаг, я поравнялся с сынишкой и взял его за руку. Ни ружья, ни палок у нас с собой не было: одни простые корзинки. Обороняться было нечем.

А Клеопарда была уже в нескольких шагах от нас. Или мы ей дорогу должны были уступить, или она нам: тропа была узкая, а по сторонам — грязь.

— Вперёд без страха и сомненья! — произнёс я как можно веселее, крепко сжимая руку сынишки.

Клеопарда остановилась и молча оскалила зубы. Миг был решительный.

Я ещё твёрже шагнул — раз, два, три...

Свирепое животное вдруг прыгнуло в сторону и, увязая в глубокой грязи, пошло мимо нас стороной,

Я отпустил руку сынишки.

— Видишь? А ты хотел бежать,

— Ух, страшно!

— Убегать ещё страшней.

Но тут мы дошли до леса и скоро забыли это приключение.

Вчера целый день лил дождь. Грибов было много. Сперва мы брали всякие — и красные, и подберёзовики, и маслята. Но глубже в лесу, на гривках под елями и соснами, начались белые. Тут мы на другие грибы и смотреть не стали.

Лес весь сверкал, переливался разноцветными весёлыми звёздочками, каждый листок, каждая травинка и мшинка блестела, улыбалась капельными глазками — солнце ещё только поднималось над деревьями и не успело высушить вчерашнего дождя. Все кусты и ёлочки были в паутинках, и каждая паутинка была унизана крошечными водяными жемчужинами. Мы, конечно, сразу промочили и штаны и рубахи, но всё равно становились на колени, раскапывали руками мокрый мох и вытаскивали из-под него маленьких крепышей с тёмной шапочкой на пузатенькой ножке — настоящих боровичков. Потом спешили дальше — искать новое гнездо грибов.

Мы так увлеклись, что и не заметили, как забрались глубоко в лес и очутились на опушке небольшой поляны.

— Стой! — шёпотом вдруг сказал сынишка и схватил меня за руку. — Смотри: бельчонок!

Правда: на другой стороне поляны на ветках сосны прыгала молодая белочка с тоненьким ещё хвостиком.

Бельчонок спускался с ветки на ветку. Исчез на минутку из глаз и вдруг, смотрим, скачет по земле к берёзе. Ближе к нам от той опушки стоял куст, и ещё ближе — одинокая берёза. И рядом с берёзой открыто рос малоголовый гриб на высокой белой ножке — обабок.

— А! — сказал я тоже шёпотом и потянул сынишку за росшие рядом ёлочки, чтобы не спугнуть бельчонка. — Знаешь, бельчонку, наверно, ужасно хочется попробовать этот гриб, а на землю спуститься страшно: вдруг кто-нибудь увидит и схватит.

— Ага! — согласился сынишка. — Наверно, он очень голодный.

Бельчонок уже прыгал к обабку по земле, смешно подкидывая задом. От опушки до берёзы было верных шагов пятнадцать. Моих человеческих шагов пятнадцать, а беличьих мелких скачков по земле — не меньше как полсотни.

И вот только бельчонок подскакал к берёзе, не успел ещё и куснуть гриба, — вдруг сбоку из травы откуда ни возьмись — лисица! И на него. Мы так и ахнули.

Но бельчонок вовремя заметил опасность, повернул — и в два скачка очутился на берёзе.

Он мигом взвился по стволу и притаился под самой макушкой. Весь сжался от страха в комочек. Лисица осталась с носом.

Сынишка хотел захлопать в ладоши, но я ему не дал, шепнул:

— Подожди. Это ещё не всё. Лисица, я вижу, пожилая, опытная. Она так этого дела не оставит.

Я потому так подумал, что лисица сразу, как бельчонок махнул от неё на дерево, осадил всеми четырьмя лапами, стала и потом с самым равнодушным видом повернула прочь от берёзы — к опушке. Даже не взглянула вверх, на дерево. Будто её совсем и не интересовал никогда бельчонок, не за ним она кинулась, а так просто.

А у самой глаза блестят, рот до ушей. Мне тут и почудилась какая-то хитрость с её стороны.

Смотрим, правда: не дошла лисица до опушки, вдруг — шмыг за куст, который между берёзой той и опушкой стоял. И нет её.

— Ишь хитрюга! — шепчет сынишка. — В засаду села. Как же теперь бельчонок домой в лес попадёт? Ведь ему мимо этого куста бежать.

— Вот в том-то и дело, — шепчу я. — Не миновать ему лисьих зубов... Но... Тс-с!.. Смотри, он что-то придумал.

Чуть заметный среди листвы на белой ветке берёзы рыжий комочек зашевелился, развернулся — и опять превратился в бельчонок. Вытянув шею и повёртывая голову во все стороны, бельчонок долго осматривался. Но, верно, оттуда, с вершины, ему не было видно лисицы: он осторожно потихоньку стал спускаться с ветки на ветку. Прыгнет — и оглянется. Прыгнет — и тянет шейку, заглядывает вниз.

— Ох, глупый, глупый! — шепчет сынишка. — Сейчас ведь прыгнет на землю. Пойдём скорей, прогоним лисицу!

— Подожди, подожди! — шепчу. — Посмотрим, чем кончится. В первый раз я своими глазами видел, как лисица охотится за белкой.

Бельчонок тихонько спустился уже до половины берёзы — и тут вдруг замер на ветке. Да вдруг как затрясётся на лапках, как закричит, зацокает!

— Увидел, увидел! — шепчет сынишка.

Сомнений быть не могло: белый кончик рыжей трубы — хвоста лисьего — высунулся из куста, и бельчонок его заметил!

«Эх, лисонька! — подумал я про себя. — Рано победу затрубила! Думала, уж вот он — твой бельчонок! Заиграла хвостом, да и выдала себя».

Кончик лисьего хвоста сейчас же опять исчез за кустом.

Но бельчонок никак не мог успокоиться. Он пронзительно громко ругал коварную лисицу уже не знаю какими своими беличьими словами и весь трясся от негодования.

Потом, когда лисий хвост исчез, замолчал. И вдруг, чего-то ужасного испугавшись, винтом взвился по стволу к себе на спасительную вершину. Может быть, вообразил себе, что лисица сейчас прыгнет за ним из-за своего куста — на полдерева.

— Дело затягивается, — шепчу я сынишке. — Но — терпение: лисица, видимо, решила сидеть в засаде хоть до вечера. А бельчонок, конечно, голодный. На берёзе ему долго не высидеть: там ему ни шишек, ни орехов. Всё равно придётся слезать.

Прошло несколько минут. Ни лисица, ни белка не подавали никаких признаков жизни. Сынишка уже начал меня за рукав дёргать:

— Прогоним лисицу и пойдём грибы собирать.

Но тут бельчонок опять показался из своего прикрытия и прыгнул на одну из тонких верхних веток берёзы. Это была одна из самых длинных веток дерева, и она, как вытянутая рука, указывала прямо на опушку леса — на ту самую крайнюю сосну, с которой полчаса тому назад спустился бельчонок.

Бельчонок разбежался по ней и, сильно качнув конец ветки, прыгнул.

— Бешеный! — шепотом вскрикнул сынишка. — Он...

Сынишка хотел, конечно, сказать, что бельчонок попадёт прямо в пасть лисице.

Но не успел договорить, так быстро всё кончилось! Бельчонок, разумеется, не рассчитал: допрыгнуть до опушки с берёзы он не мог. Самой ловкой белке не перелететь такого расстояния по воздуху — не птица же! Просто, видно, бельчонок с отчаянья прыгнул: будь что будет! И он, конечно, кувырнулся, не пролетев и половины расстояния до сосны.

Надо было видеть, как он летел вниз, растопырив все четыре лапки и вытянув тонкий хвостик, — прямо в куст, где сидела лисица, прямо на неё!

Но не успел он долететь до куста, как лисица...

Думаете, подскочила и на лету схватила его в зубы?

Нет, лисица опрометью выскочила из куста и сломя голову бросилась наутёк через пни и кусты.

Громкий смех сынишки — прямо мне в ухо — чуть не оглушил меня.

А бельчонок, упав на куст, не разбился: ветви спружинили, слегка подкинули его лёгкое тельце и, опять приняв на себя, мягко опустили его на землю. Бельчонок — скок-скок-скок! — и на сосну. С сосны на осину, с осины ещё на какое-то дерево — и скрылся из глаз в лесу.

Сынишка хохотал до слёз. И весь лес, казалось, хохотал с ним — все капельные глазки дождя на листьях, на траве и кустах.

— Бешеный! — твердил сынишка сквозь смех и слёзы... — Ну, прямо бешеный!.. Как он на лисицу-то! Как она от него!.. И хвост поджала! Вот бешеный бельчонок.

— Ну, — спросил я, когда он прохотался, — теперь понимаешь, почему я не дал тебе бежать от Клеопарды?

— Знаю, знаю:

*Вывод ясен без картин —
Часто, в битвах не робея,
Побеждает трёх один.*

Уж не знаю, откуда он взял эти стишки! Он у меня набит стихами и выпаливает ими вдруг, как из пушки.

Весёлые мы пришли в тот день из лесу.

О и Ашишки

В приёмной городничего были утки, гуси и другой хлам.

Иго продолжалось целых 250 лет на территории СССР.

Обезьяна вцепилась в дерево задними руками.

Глаза вратаря, как и ноги бегали за мечом.

Герасим учил плавать ещё хуже, чем говорил.

В старину обезьяны ходили голыми, а когда наступил ледник, они покрылись волосами, и это помогло им стать людьми...

У этого жука огни на концах, которыми он сигналил самке.

Они пошли за первым встречным Рюриковичем, который хотел отомстить за свою смерть.

Полководцы — смелые люди, они готовы рисковать жизнью других людей.

Зайчик своим выражением лица звал на помощь.

Заметили гончие зайца и спустили собак.

На картине Васнецова «Три Богатыря» Илья Муромец показан самым сильным из Добрыни Никитича и Алёши Поповича.

На выставке собак присутствовали лайки, болонки, доты, бульдоги, водолазы, боксёры и суды.

Мы не забудем тебя, наш любимый Тарас Бульба, за твоё мужественное героичество.

Над головой Васнецовой Алёнушки летают ласточки. Они не боятся Алёнушку, она не выстрелит в них из ружья.

Елена Казадеи

2 «А» класс ЧОУ «Санкт-Петербургская
гимназия «Альма Матер»

Учитель: Миронова Анна Васильевна

Воробей проснулся утром,
Еле крылышки размял.
Серый милый воробьишка
Наконец с кровати встал.
А почувствовав икоту
Понял: сильно хочет есть.
Раздобыть зерно охота,
И конфетку тоже съесть.
Шоколадную, наверно,
Лучше — с червячком внутри.
А вкуснее будет если
К ней добавить сухари.
Намечтался воробьишка,
А еды найти не смог.
Милый серый воробьишка
Спать в кроватку снова лёг.

Иван Фёдоров,

10 лет, Смоленская обл.

Мой край родной

Поле с рожью золотится,
На лугах цветут цветы,
Журавли курлычут в небе,
На реке шумят бобры.

В лесу полно грибов и ягод.
Я за ними поутру
С большой корзиною пойду!

Нет краше края моего
И лучезарной зорьки!
Что б ни случилось со мной,
Всегда сюда вернусь я вновь!

Виктория Калакутская,

11 лет, Смоленская обл.

Моя семья

Я живу в небольшой семье. У меня есть мама, папа и брат. У нас дружная семья. Мы любим проводить свободное время на природе. Мой папа увлекается спортом, принимает участие в различных соревнованиях и меня привлекает к занятиям спортом. Мы с папой посещаем бассейн, ледовый дворец, катаемся на лыжах, коньках.

Ещё в нашей семье есть верный друг — собака Рекс. Во время прогулок мы с ним постоянно занимаемся, поэтому он у нас может выполнять многие команды.

Совсем недавно у меня появился маленький братик. Зовут его Владик. С его рождением в нашем доме стало ещё теплее, светлее и радостнее. Я люблю с ним разговаривать. Он тоже в ответ мне что-то говорит и весело улыбается. У Владика такие пухленькие ручки и ножки! Когда я даю ему свои пальчики, он хватается за них ручками и пытается сесть или встать.

Иногда Влад капризничает, но стоит мне подойти к нему и заговорить, он перестает плакать и тянет ручки.

Больше всего времени с братиком проводит моя мама. Она добрая, внимательная, очень ласковая. Мама вкусно готовит, особенно плов.

Вечерами мы всей семьей собираемся вместе: разговариваем, рисуем, поём, изучаем компьютер.

Мне очень нравится моя семья!

Антопкина Даяна, 11 лет

1

НАШ ВЕРНИСАЖ

Конкурсные работы

Флористика

1. Тарасова Дарья, 5 лет

2. Базина Алена, 10 лет

3. Морозова Диана, 15 лет

4. Бабаян София, 8 лет

5. Боборова Кира, 13 лет

2

4

3

5

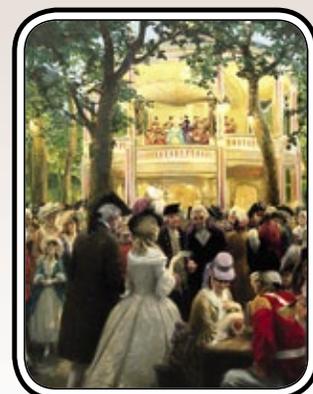

РАССКАЗЫ:
 Знамя полка
 Вани Прохорова

Художник и искусствовед И. Э. Грабарь писал Бенуа о его иллюстрациях к «Медному всаднику»: «Они так хороши, что я от новизны впечатлений все еще и теперь не могу прийти в себя. Чертовски передана эпоха и Пушкин, при этом совсем нет запаха гравюрного материала, никакой патины. Они страшно современны — и это важно...»

А. Бенуа. Иллюстрация к поэме А. С. Пушкина «Медный всадник»

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ:
 Вокзал

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ:
 Порядок на планете

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА